

Конец «стабильности»: политическая экономия пересекающихся кризисов в России с 2009 года

Илья Матвеев

Кандидат политических наук, доцент факультета сравнительных политических исследований
Северо-западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

Докторант Европейского университета в Санкт-Петербурге

Адрес: Средний пр., В.О., д. 57/43, Санкт-Петербург, Российская Федерация 199178

E-mail: matveev.ilya@yahoo.com

В статье прослеживается взаимосвязь кризисных процессов, пришедших на смену «стабильности» 2000-х годов в России. Период с 2009 года характеризуется стремительным накоплением и наложением друг на друга противоречий в различных сферах: речь идет об экономическом кризисе 2009 года, политическом кризисе 2011–2012 годов, «геополитическом» кризисе 2014 года и, наконец, новом витке экономического кризиса, начавшемся в 2014 году. Эти процессы трактуются в статье как взаимно обусловленные. Выявляется их связь с политико-экономическим порядком, сложившимся в России в 2000-е годы и предполагавшим, с одной стороны, воспроизводство периферийного капитализма, с другой — консолидацию политического режима, который сочетал в себе неопатримониальные практики и доминирование бюрократических элит, характерное для бонапартизма. Кризис 2009 года продемонстрировал уязвимость этого политико-экономического порядка. В свою очередь, массовые протесты 2011–2012 годов изменили характер отношений между властью и обществом и запустили процесс трансформации режима, все больше опиравшегося на идеологию и репрессии. Идеологическая мобилизация, характерная для третьего срока В. Путина и усиленная российскими действиями в Украине в 2014 году, происходит на фоне экономической стагнации и спада, свидетельствующих об исчерпанности модели российского периферийного капитализма. Статья завершается анализом противоречий и потенциальных точек напряжения в российском обществе на фоне продолжающихся экономических проблем.

Ключевые слова: инволюция, периферизация, неопатримониализм, бонапартизм, кризис, государство

Старое умирает, а новое не может родиться.

Антонио Грамши

В 1991 году Клаус Оффе точно предсказал, что сама природа «тройного транзита» в посткоммунистических странах (одновременный переход к демократии, рыночной экономике и национальному государству) породит многочисленные противоречия (Offe, 1991). По-видимому, нигде правота Оффе не была столь очевидна, как

© Матвеев И. А., 2017

© Центр фундаментальной социологии, 2017

DOI: 10.17323/1728-192X-2017-2-29-53

в России, где десятилетие 1990-х годов было отмечено беспрецедентными политическими, экономическими и социальными потрясениями. Однако в 2000-е годы напряжение и противоречия, казалось, ослабли. Под знаком «стабильности» само время в путинской России как будто замедлило свой ход: отсюда частые параллели с брежневским застоем, еще одной эпохой «исторической паузы, блуждания в пустоте» (Prozorov, 2009: 93).

К концу десятилетия искусственное спокойствие начало рассеиваться. В 2008 году министр финансов Алексей Кудрин все еще утверждал, что Россия — «остров стабильности» в океане мирового кризиса (Вести.Ру, 2008); однако уже год спустя экономический кризис добрался до России и нанес большой урон. В 2011 году экономические проблемы дополнились политическими: десятки тысяч людей вышли на улицы Москвы и других городов, протестуя против электоральных фальсификаций и тем самым объявив, что «пакт о невмешательстве» между государством и обществом, характерный для 2000-х годов, более недействителен. Поступь истории продолжилась на российских границах: украинский Евромайдан 2013–2014 годов спровоцировал резкую реакцию властей, которая привела к новому, «геополитическому» кризису, оказавшему огромное влияние на российское государство и общество. Наконец, в 2014 году Россия вновь погрузилась в экономический кризис, первые признаки завершения которого появились лишь в конце 2016 года. Как объяснить это стремительное накопление и наложение друг на друга кризисов в различных сферах с 2009 года? Задача настоящей статьи — проанализировать взаимную обусловленность (сверхдетерминацию) экономического, политического и «геополитического» кризисов в указанный период. Особое внимание уделяется трансформации государства, выступающей как следствием кризиса, так и реакцией на него. Наконец, циркулирующие в обществе нарративы о кризисе рассматриваются как его составная часть.

Кризис, противоречие и сверхдетерминация

Концептуальной рамкой для изучения пересекающихся кризисов в статье служит теория сверхдетерминации, разработанная Луи Альтюссером в 1960-х годах. Альтюссер, известный марксистский теоретик, критиковал сведение социальной сложности к одному-единственному противоречию на уровне «базиса», т. е. экономики. Каждую конкретную социальную формацию он рассматривал как «сложное структурированное целое», единство противоречий, каждое из которых разворачивается отдельно, но в то же время сверхдетерминировано, т. е. взаимно обусловлено другими (Альтюссер, 2006: 296). По словам Стивена Калленберга, «сверхдетерминация — это теория существования, утверждающая, что ничто не существует изолированно, независимо от всего остального, и, следовательно, каждый аспект жизни общества существует исключительно в результате взаимной детерминации всех остальных его аспектов» (Cullenberg, 1999: 812). Таким образом, использование понятия «сверхдетерминация» по отношению к кризисам предпо-

лагают изучение конкретных способов, которыми они определяют и учреждают друг друга в рамках данной исторической конъюнктуры.

Природа сверхдетерминации в политической сфере предполагает анализ государства и его изменений. Марксистские теоретики неоднократно указывали на то, что в капиталистических обществах государство выполняет стратегическую роль по отношению к кризисам. Так, по мнению Юргена Хабермаса и Клауса Оффе, государство обладает (принципиально ограниченной) способностью ослаблять эффект экономических кризисов, которые «вытесняются» в государственный аппарат (Habermas, 1975: 46; Offe, 1976). В более широкой перспективе, согласно Никосу Пуланзасу, государство, с одной стороны, обеспечивает условия для воспроизводства капиталистической социальной формации, с другой — сосредотачивает в себе противоречия и конфликты «в необходимо специфичной форме», т. е. в форме, характерной именно для государства (Poulantzas, 1978: 132). Таким образом, трансформация государства — это и отражение социальных противоречий, и ответ на них.

Опираясь на различные теории государства, в том числе вдохновленные марксизмом, Колин Хэй выявляет еще одно, дискурсивное измерение в отношении между кризисом и государством. По мнению Хэя, кризис — не объективное состояние; скорее, это дискурсивный конструкт, создающий необходимые условия для радикальной трансформации государства (в терминологии Хэя, нового «государственного проекта»). Хэй четко разделяет «проблемную ситуацию [failure] (накопление и наложение друг на друга противоречий) и кризис (момент решительного вмешательства, в который эти противоречия опознаются как явные)» (Hay, 1999: 324). С точки зрения Хэя, «между кризисом как нарративом о проблемной ситуации и природой противоречий, или „симптомов“, становящихся частью кризисного нарратива, нет однозначного соответствия. В рамках такой концептуальной схемы проблемная ситуация и кризис относительно независимы друг от друга» (Hay, 1999: 324). Иными словами, кризис — это мобилизуемый той или иной политической силой нарратив, который интегрирует в себя существующие в обществе противоречия в качестве «симптомов» острого недуга, требующего безотлагательного вмешательства. Радикальное реформирование государства (новый «государственный проект») и становится таким вмешательством.

Для концептуализации кризиса как момента решительного вмешательства Хэй обращается к идее Оффе о «структурном режиме политической рациональности», понимаемом как «ответ на проблемную ситуацию, в рамках которого сама институциональная форма системы, в данном случае государства, подвергается фундаментальным изменениям» (Hay, 1999: 328). В противоположность этому «конъюнктурный режим политической рациональности» является «ответом на проблемную ситуацию, при котором принимаемые меры остаются в рамках существующих и практически не измененных структур государственного режима, как правило, в отсутствие нарратива о кризисе» (Hay, 1999: 329). В то же время, как утверждает Хэй, даже такой «мелкий ремонт» может сыграть решающую роль, в

случае если наступает переломный момент [tipping point]: относительно небольшое вмешательство может или сделать систему более стабильной, или, наоборот, резко обострить ее скрытые противоречия (Нау, 1999: 325).

Наблюдения о сверхдетерминированном характере кризисов, отношении между кризисом и государством, а также о кризисе как дискурсивно опосредованном феномене послужат теоретической рамкой для последующего анализа. Однако их необходимо уточнить с учетом тенденций, характерных для постсоветского периода в истории России. Анализу этих тенденций посвящен следующий раздел.

Инволюция, периферизация и бонапартизм: Россия в 1991–2008 годы

Исследования постсоветской России, хотя и достаточно разнообразные, все же были долгое время захвачены идеями «транзитологии» с присущими ей телеологическими установками. Появлялись все новые теории, которые Майкл Буравой обозначил как «дефицитные модели», поскольку они выявляли причины «неудачи» России в построении демократии или либерального капитализма; при этом сами демократия и либеральный капитализм как конечные точки транзита не подвергались сомнению (Burawoy, 2001: 270). Буравой предложил свою теорию *инволюции* для того, чтобы выявить специфику исторического развития России в постсоветский период, не измеряя при этом степень ее «успеха» или «неудачи» в достижении определенной цели, конечной точки транзита.

По мнению Буравого, российская «великая инволюция» — противоположность «великой трансформации» Карла Поланьи. С точки зрения экономики она означала возникновение веберовского «спекулятивного, авантюристического, грабительского капитализма» в сфере обмена, который вытягивал ресурсы из сферы производства, не инвестируя в нее (Burawoy, 2001: 279). С точки зрения социальной жизни она означала «декоммодификацию» труда в форме невыплат зарплаты и переход к стратегиям выживания в «обществе сетей», в котором существовали взаимные связи между домохозяйствами, но отсутствовали институты (Burawoy, 2001: 281, 284). Наконец, с точки зрения политики она означала «превращение партийного государства в нефеодалное образование» (Burawoy, 2001: 270)¹.

Еще одну целостную теорию развития России с 1991 года, в большей степени ориентированную на политику и государство, предложил Георгий Дерлугьян. В то время как Буравой вдохновлялся Поланьи, Дерлугьян использовал идеи Валлер-

1. К схожим выводам приходит Лоуренс Кинг: по его мнению, российский «патримониальный капитализм», в отличие от западного либерального капитализма, был лишен полной коммодификации экономики из-за распространенности бартера; он также был лишен свободного труда (в том смысле, что выживание привязывало работников к их предприятиям, пусть даже там не платили зарплату); наконец, он был лишен разделения между экономической и политической сферой вследствие широко распространенных клиентелистских связей между бизнесом и чиновниками (King, 2002). О «патримониальном капитализме» в России см. также: Robinson, 2011, 2014. Альтернативный, марксистский анализ российского капитализма, основанный на понятии «инсайдерской ренты», можно найти в: Dzarasov, 2013.

стейна и других мир-системных теоретиков (хотя они оба многим обязаны Веберу). С точки зрения Дерлугьяна, ослабление и дезинтеграция советского «государства развития» [developmental state] привели к откату на периферию, или *периферизации* России (Derluguian, 2005: 15–16, 222–228). Движущей силой этого процесса был неопатримониализм, понимаемый как «реактивная стратегия бюрократических элит и новых политических игроков», состоящая в «практике коррумпированного патронажа, который опирается на частное присвоение государственных должностей» (Derluguian, 2005: 15). По мнению Дерлугьяна, характерные черты постсоветских неопатримониальных государств включают в себя: возникновение «компрадорских олигархий, монополизирующих точки пересечения глобальных экономических потоков и местных ресурсодобывающих отраслей»; ослабление государства под влиянием неопатримониальных практик; экономическую деградацию; «поражение и деморализацию обладающих самосознанием социальных групп, которые принято относить к «гражданскому обществу»; манипулируемые выборы и «периодические всплески политического насилия» (Derluguian, 2005: 15–16)².

Инволюция и периферизация имеют объективный характер в качестве тенденций развития постсоветской России; в то же время они ограничивают, но не полностью определяют траекторию этого развития. Под влиянием конкретных событий агенты способны менять свои стратегии, что может привести к изменению тех структур, которые ограничивают и задают их действия. Характерный пример такого события — кризис 1998 года, запустивший процесс изменений в природе российского капитализма, что в конечном счете привело также и к трансформации российского государства.

Это был кризис экономической системы, возникшей в России в 1990-е годы. В соответствии с предложенным Буравым анализом авантюрно-спекулятивного капитализма в сфере обмена, вытягивавшего ресурсы из сферы производства, влиятельные экономические игроки избегали инвестиций в реальную экономику, вместо этого занимаясь финансовыми спекуляциями, в частности, покупая государственные краткосрочные облигации (ГКО) (см.: Nesvetailova, 2005: 246–247). В свою очередь, государство вынужденно брало в долг именно потому, что неспособно было обеспечить эффективное налогообложение крупного бизнеса. В результате возник порочный круг из слабости государства, спекуляций и роста госдолга. В 1998 году вся система обрушилась, заставив выживший крупный бизнес изменить стратегию накопления.

С одной стороны, после кризиса 1998 года олигархи больше не могли зарабатывать на ГКО. С другой стороны, те из них, кто в предыдущий период завладел промышленными активами в экспортных отраслях, извлекли большую выгоду из

2. Процесс дезинтеграции государства и частного присвоения государственных должностей проанализирован, исходя из различных теоретических установок, в следующих работах: Solnick, 1996, 1998; Ganev, 2005, 2009. Александр Фисун предложил свою классификацию олигархического, бюрократического и султанистского неопатримониализма на постсоветском пространстве (Фисун, 2007).

девальвации рубля и растущих цен на сырье. В целом кризис «завершил процесс перехода практически всех [олигархов] в реальную экономику в качестве приоритетной сферы ведения бизнеса» (Fortescue, 2006: 107; см. также: Clarke, 2007: 62). Это привело к новому витку борьбы за промышленные активы в 1998–2002 годах, когда бизнес-группы при помощи региональных властей добивались контроля над наиболее привлекательными компаниями (Volkov, 2008; Yakovlev, 2014). Однако это же привело к переоценке олигархами своих интересов в отношении центральной власти.

По мнению Андрея Яковлева, бизнес-игроки поняли, что «экономика не может существовать без государства, а государство не может существовать без налогов» (Yakovlev, 2014: 13). Это вылилось в успешные переговоры между бизнесом и чиновниками, в результате которых в 2001 году был принят новый Налоговый кодекс (Luong, Weinthal, 2004). В целом, утверждает Яковлев, крупный бизнес осознал необходимость в сильном государстве, которое могло бы защитить его от возможных негативных последствий будущих экономических кризисов, таких как «значительное перераспределение власти и собственности» в стране (Yakovlev, 2006: 1054; см. также: Yakovlev, 2014: 13)³. Таким образом, запрос на усиление государства был результатом развития российского капитализма после кризиса 1998 года. По словам Уильяма Томпсона, «заработав огромные состояния при Ельцине во многом благодаря успешной эксплуатации слабости государства, [олигархи] могли извлечь большую выгоду из путинского проекта по его усилению... Для российских новых собственников государственное строительство и структурные реформы призваны были закрепить победы, завоеванные ими в 1990-е годы» (Thompson, 2005: 188).

Владимир Путин, избранный президентом России в 2000 году, считал усиление государства своей главной задачей. Его президентство имело черты бонапартизма — в том смысле, который Карл Маркс вкладывал в это понятие в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Это проявлялось в путинской антиреволюционной риторике «восстановления порядка», опоре на пассивную поддержку атомизированных масс, но прежде всего — в борьбе за автономию государства. «Только при втором Бонапарте, — писал Маркс, — государство как будто стало вполне самостоятельным» (Маркс, Энгельс, 1957: 207). Более того, «многочисленная расшитая галунами и упитанная бюрократия» и была главной «наполеоновской идеей», *idée napoléonienne* (Маркс, Энгельс, 1957: 2012). По Марксу, при Луи Бонапарте французская бюрократия наконец стала автономной по отношению к обществу и послужила основой его личной власти. Параллель с путинским проектом усиления государства очевидна⁴.

3. Кроме того, бизнесмены, заработавшие свои состояния благодаря клиентелистским связям с чиновниками, были не единственными экономическими игроками в 1990-е годы: были и те, кто занимался бизнесом и создавал новые компании без коррупционных связей по модели, обозначенной Андреем Яковлевым как «свободное предпринимательство» (Yakovlev, 2006: 1054). Это «неолигархическое бизнес-сообщество» также нуждалось в сильном государстве, которое установило бы четкие правила игры (Yakovlev, 2006: 1054).

4. О путинском «государственном строительстве» см.: Hashim, 2005; Taylor, 2011.

С другой стороны, как утверждал Маркс, правление Луи Бонапарта, пусть и опиравшееся на автономную бюрократию, в то же время было выгодно буржуазии: «...для сохранения в целостности ее социальной власти должна быть сломлена ее политическая власть... для спасения ее кошелька с нее должна быть сорвана корона» (Маркс, Энгельс, 1957: 161). Эта логика применима и к путинскому правлению. По словам Саймона Пирани, «государство дисциплинировало олигархов в интересах класса собственников в целом и вернуло себе функции, потерянные в хаосе 1990-х годов. Государственная власть — не самоцель, а средство управления постсоветским российским капитализмом и его интеграции в мировую систему» (Pirani, 2010: 1). Как утверждает Якоб Риги, «правление Ельцина было правлением олигархов, тогда как правление Путина — это правление для олигархов» (Rigi, 2005: 202). О точности данной формулировки свидетельствует число российских миллиардеров, увеличившееся, по данным «Форбс», с нуля в 2000 году до 87 в 2008 году, когда Россия по этому показателю уступала лишь США (Kroll, 2008)⁵.

Путинское правление обладало и другой чертой бонапартизма. Говоря о парцельных крестьянах, основе поддержки Луи Бонапарта, Маркс указывал на то, что они образуют класс лишь в смысле общих условий существования, но не образуют его политически: «...тождество их интересов не создает между ними никакой общности, никакой национальной связи, никакой политической организации» (Маркс, Энгельс, 1957: 208). Поэтому, как утверждал Маркс, «они... неспособны защищать свои классовые интересы от своего собственного имени, будь то через посредство парламента или через посредство конвента. Они не могут представлять себя, их должны представлять другие» (Маркс, Энгельс, 1957: 208). Насколько российское общество соответствует Марксову описанию парцельных крестьян во Франции Луи Бонапарта — спорный вопрос. Однако ясно, что «бонапартистский» режим политического представительства был сознательно — и в конечном счете успешно — сформирован в России вокруг фигуры «путинского большинства», т. е. большинства населения, лишенного своего голоса, которое может быть представлено лишь Путиным⁶. Черты этого режима представительства различимы в анализе «делегативной демократии» в России (Hale, 2009) и «плебисцитарной» природы путинского правления (Hanson, 2011).

В 2000–2008 годы новая система, казалось, успешно работала — при поддержке высоких цен на нефть. Экономика росла высокими темпами (в среднем на 7% в год). Открытые социальные противоречия легко разрешались, как в случае с протестами против «монетизации льгот» в 2005 году. И все же, хотя изменения по сравнению с десятилетием 1990-х годов были вполне реальными, тенденции, ко-

5. Следует добавить, что Маркс учитывал противоречивое положение буржуазии в бонапартистском государстве: «...защищающий ее меч должен вместе с тем, как дамоклов меч, повиснуть над ее собственной головой» (Маркс, Энгельс, 1957: 161). То же можно сказать и о путинской России: хотя российское государство явно имеет классовый характер, т. е. является капиталистическим государством и, в частности, государством крупного капитала, оно также действует как «хищническое государство» (Gans-Morse, 2012), особенно в отношении малого и среднего бизнеса.

6. О фигуре «путинского большинства» см.: Рогов, 2001; Павловский, 2014а, 2014б.

торые Буравой обозначил как инволюцию и Дерлугьян — как периферизацию, в 2000-е годы были модифицированы, но не преодолены.

В экономической сфере инвестиции в промышленность выросли по сравнению с крайне низким уровнем 1990-х годов, однако большая их часть направлялась на «частичное переоснащение и реконструкцию существующих предприятий для поддержания или расширения уже имеющихся производственных мощностей при благоприятной рыночной конъюнктуре, а не на создание новых предприятий, которые активно расширяли бы рынок и чья продукция соответствовала бы мировым стандартам цены и качества» (Clarke, 2004: 420). По мнению Саймона Кларка, это свидетельствует о том, что «движущая сила капиталистического развития в России все еще не стала эндогенной» и по-прежнему зависела от внешнего фактора: высоких цен на нефть (Clarke, 2004: 420). В отличие от других быстрорастущих экономик, таких как Китай и Индия, экономический рост в России не был основан на инвестициях (Tabata, 2009: 684). Валовое накопление капитала в 2000–2008 годы в среднем составляло 21,5% ВВП, тогда как в Китае этот показатель равнялся 40,3%, в Индии — 30,8%⁷. С другой стороны, объем «незаконных финансовых потоков» из России в 2000–2008 годы достиг 427 млрд долл. — по этому показателю Россия уступала лишь Китаю, при огромной разнице в населении и ВВП (Kar, Curcio, 2011). Низкий уровень инвестиций, гигантский отток капитала и сохраняющаяся центральная роль сырьевого экспорта указывают на устойчиво периферийный характер российского капитализма⁸.

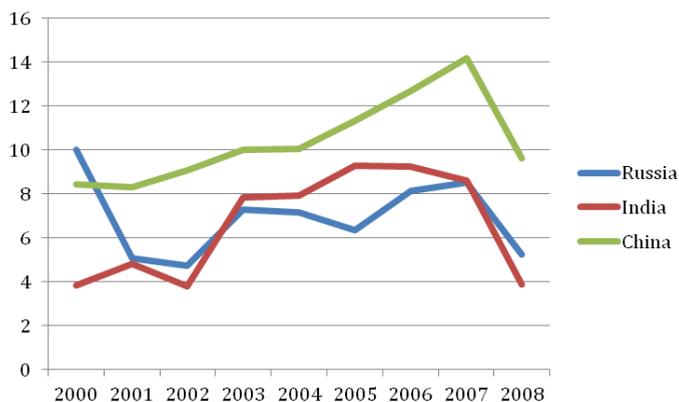

Рис. 1. Ежегодный прирост ВВП в %. Данные World Bank

7. По данным World Bank: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=2&series=NY.GDP.MKTP.KD.ZG&country=RUS,IND,CHN#>.

8. Анастасия Несветайлова указывает на такой симптом продолжающейся экономической периферизации, как сокращение занятости в НИОКР. По данным Росстата, численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, сократилась с 890 718 человек в 2001 году до 745 978 человек в 2009 году; речь идет о потере 56,717 исследователей (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science/).

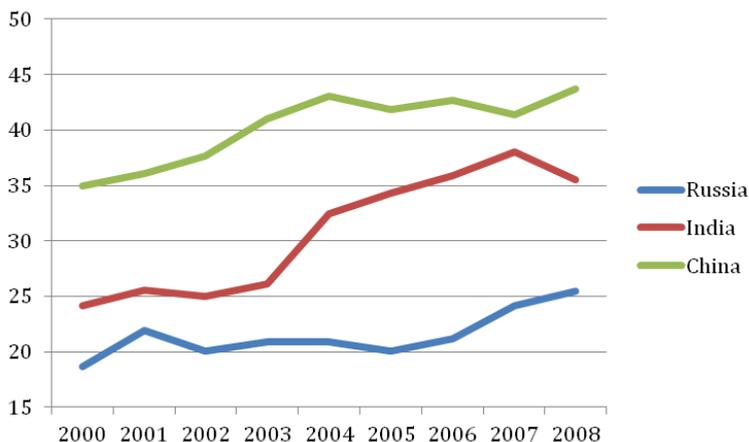

Рис. 2. Доля валового накопления капитала в ВВП. Данные World Bank

В политической сфере усиление государства привело к воспроизводству неопатримониальных практик, а не их преодолению. Декларированной целью Путина было создание эффективной «вертикали власти». Однако, как показывает Владимир Гельман, новая система отличалась не столько армейской дисциплиной, сколько созданием материальных стимулов на всех уровнях «вертикали». Коррупция была не побочным эффектом, а движущей силой ее функционирования (Гельман, 2015а: 13–19)⁹. При этом было бы упрощением сводить всю путинскую экономическую политику (к примеру, расширение госсектора в 2004–2008 годы) к простой логике патронажа и коррупции — но следует признать, что и новая версия «государства развития» в России в этот период не возникла: об этом свидетельствует неспособность трансформировать экономику и преодолеть зависимость от сырьевого экспорта (Robinson, 2011: 435). Скорее, речь идет об элементах девелопментализма в контексте бюрократического/бонапартистского неопатримониального режима¹⁰.

9. В анализе путинской «системы» (общее обозначение для всей совокупности неформальных, сетевых практик управления) Алена Леденева перечисляет действующие в ней материальные стимулы: откаты, зарплаты в конвертах, приобретение собственности по сниженным ценам, различные привилегии, связанные с госслужбой (Ledeneva, 2012: 41).

10. Такое гибридное определение уже было предложено Роджером Д. Марквиком по отношению к ельцинскому режиму: «Характерный для третьего мира патримониализм с бонапартистскими тенденциями» (Markwick, 1999: 127). Бонапартизм, в случае Ельцина бывший лишь тенденцией, которая проявилась в подавлении парламента и принятии суперпрезидентской конституции в 1993 году, в случае Путина обрел черты законченности: его личная власть опиралась на государственный аппарат, который достиг независимости и доминирования над альтернативными центрами силы, такими как олигархи и региональные лидеры. Следуя схожей логике, Александр Фисун обозначил путинизм как «бюрократический неопатримониализм», в основе которого лежит «монополизация и полупринудительная централизация неопатримониального господства, значительная роль военных структур и спецслужб, популистская и патриотическая мобилизация и плебисциты» (Фисун, 2007).

В социальной сфере благодаря экономическому росту удалось добиться быстрого и заметного улучшения многих показателей. Так, доля населения с доходами ниже прожиточного минимума сократилась с 29% в 2000 году до 13,4% в 2008 году. Кроме того, в этот период возникли новые формы солидарности, такие как жилищное движение и профсоюзный активизм на предприятиях, принадлежащих ТНК (Clément, 2015). Однако многие негативные тенденции, проявившиеся в 1990-е годы, сохранились и в следующее десятилетие. Естественный прирост населения был впервые зафиксирован только в 2013 году: все 2000-е годы население России сокращалось. Средняя продолжительность жизни превысила уровень 1990 года (69,2 года) только в 2011 году. ВВП на душу населения вырос, но выросло и неравенство: коэффициент Джини увеличился с 0,395 в 2000 году до 0,421 в 2008 году. Неравенство богатства было еще более впечатляющим, чем неравенство доходов.

Несмотря на искусственное спокойствие «стабильности», период 2000–2008 годов был столь же полон противоречий, что и предыдущее десятилетие. С 2009 года эти противоречия стали явными.

От экономического кризиса до «зимы протеста»: «медведевский пересменок»

Мировой кризис затронул Россию сильнее, чем другие страны: в 2009 году ВВП сократился на 7,8%, тогда как в среднем по ОЭСР этот показатель составил 4% (ОЭСР, 2014). Причины лежат в характере российского капитализма, каким он сформировался в 2000-е годы. Анастасия Несветайлова выделяет его основные черты, не ограничиваясь обычной отсылкой к зависимости от сырьевых доходов. С ее точки зрения, российский капитализм в 2000–2008 годы характеризовался не только (1) центральной ролью нефтегазового экспорта, финансировавшего «модель импортированного роста», но и (2) финансиализацией, которая подогревала внутренний спрос, а также (3) офшоризацией как способом интеграции российского капитала в мировые рынки (Nesvetailova, 2015: 5). Если в 2000–2008 годах эти три фактора поддерживали высокие темпы роста, то в 2009 году они же способствовали резкому сокращению экономики. Спад был вызван не только обрушением экспорта, но и высоким уровнем внешней долговой нагрузки крупных компаний и банков (Robinson, 2013: 456).

Реакция российских властей на кризис была во многом аналогична реакции других стран: правительство резко увеличило государственные расходы, чтобы ослабить эффект экономического спада. Общий объем мер стимулирования экономики составил 12–13% ВВП в 2009 и 2010 годы (Robinson, 2013: 459). Эти меры можно было считать эффективными: несмотря на глубокий спад в 2009 году, Россия вскоре возобновила рост: в 2010 году он составил 4,5%, в 2011-м — 4,4%. Однако в 2011 году, несмотря на продолжающийся рост, начались беспрецедентные политические протесты. Была ли связь между экономическим и политическим кризисом, и если да, то как ее можно охарактеризовать?

Степень непосредственного влияния кризиса 2009 года на политические установки россиян неясна и является предметом дискуссии (см.: Chaisty, Whitefield, 2013). К тому же движущей силой протестов 2011–2012 годов были не экономические требования: по словам Дэниела Трейсмана, протестующие были «мотивированы идеями, а не материальными проблемами, желанием отстаивать достоинство и справедливость, а не повысить зарплаты» (Treisman, 2014: 384). Тем не менее связь между экономическим кризисом 2009 года и протестами 2011–2012 годов можно установить, если обратиться к теории Хэя о нарративной природе кризисов. Основу для такой интерпретации заложил в своей статье Нил Робинсон. С его точки зрения, причиной сдержанного ответа [на возобновление роста] может быть тот факт, что циркулирующие в обществе нарративы об антикризисных мерах и последствиях кризиса представляли действия правительства как неуспешные и предупреждали, что в будущем кризис повторится. Каким бы ни был индивидуальный опыт кризиса у каждого россиянина, дискурсивная рамка, используемая политическими элитами для объяснения кризиса, была негативной. Подобная интерпретация озвучивалась на всех уровнях российского общества и политической системы, людьми, входившими в правительство и не входившими в него, экспертами, политиками и социальными акторами (Robinson, 2013: 463–464).

Действительно, нарративы о кризисе исходили не только от критиков режима. Недавно избранный президент Дмитрий Медведев сам интерпретировал экономические проблемы, проявившиеся в 2009 году, как симптомы кризиса всей российской политической и экономической системы — системы, которую, как он настаивал в своей программной статье, необходимо изменить, а не просто воспроизводить в будущем (Медведев, 2009). Нарратив о кризисе связывался Медведевым с его масштабным проектом «модернизации» (который, используя терминологию Хэя, можно обозначить как новый «государственный проект»). Таким образом, Медведев и его команда попытались переопределить кризис как «момент решительного вмешательства».

Однако это вмешательство так и не последовало — не в последнюю очередь из-за политической слабости Медведева в тени Путина и его неспособности проводить широкие реформы¹¹. Таким образом, своей критикой российской политической и экономической системы Медведев и члены его команды помогли утвердиться идее, что Россия «в кризисе», — но так и не предприняли решительных мер для выхода из него. По мнению Робинсона, это объясняет падение рейтинга Путина и Медведева, а также сокращение доли тех, кто считал, что страна движется в правильном направлении, в период 2009–2011 годов, несмотря на начало восстановления экономики в конце 2009 года (Robinson, 2013: 461). Недовольство действиями властей, в свою очередь, стало фоном для протестов 2011–2012 годов¹².

11. См., например, расследование неудачи полицейской реформы, инициированной Медведевым: Taylor, 2014.

12. Оценка Валентины Феклюониной и Стивена Уайта оказалась весьма точной: «Связав свою легитимность с повышенными ожиданиями изменений, российские власти могут столкнуться с еще боль-

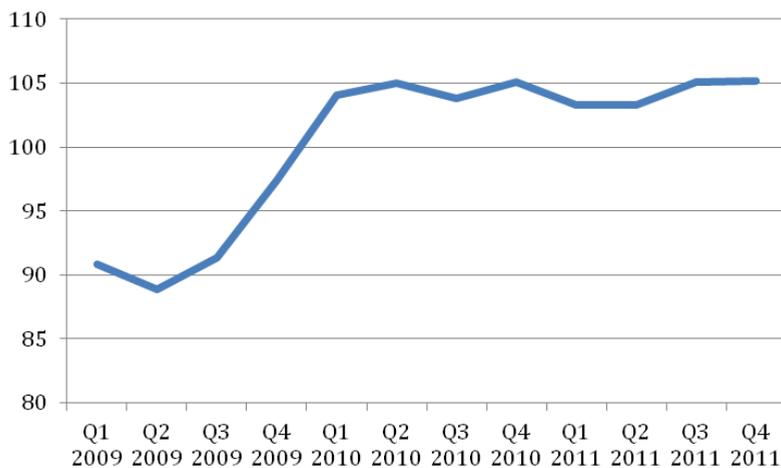

Рис. 3. Ежеквартальный рост ВВП. Данные Росстата

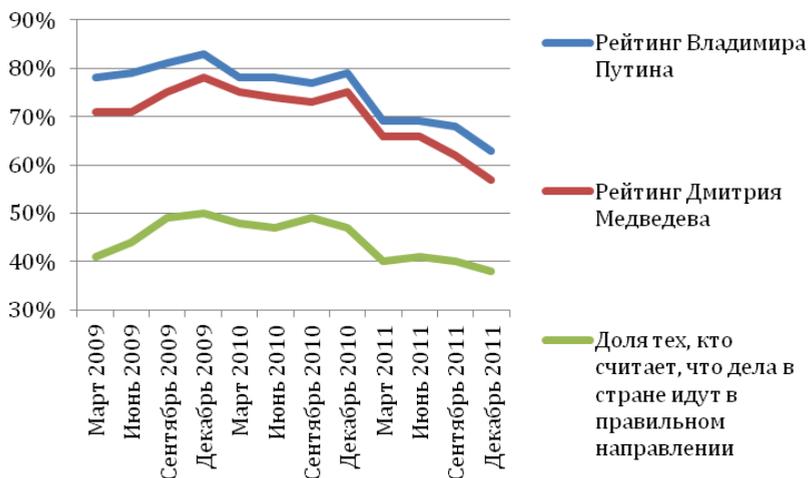

Рис. 4. Данные опросов («Левада-центр»)

Новое движение протеста было вызвано к жизни и другими факторами. Маргарита Завадская и Наталья Савельева перечисляют важнейшие из них: 1) «рокировка» Путина и Медведева на съезде «Единой России» в ноябре 2011 года, когда Путин внезапно объявил о своем намерении снова выдвинуться в президенты, шокировав и разочаровав заметную часть населения, 2) тенденция к сокращению

шим дефицитом легитимности в будущем, если обещанные изменения не наступят или же если масштаб изменений не будет воспринят как достаточный ключевыми группами в обществе» (Feklyunina, White, 2011: 402).

поддержки «ЕР» среди молодежи и образованных избирателей, 3) появление новых контрпублик, в частности в социальных сетях (Завадская, Савельева, 2014). К этому списку Завадская и Савельева добавляют эффект самих парламентских выборов 2011 года: общий опыт электоральных фальсификаций вывел людей на улицы¹³. Роль протестов 2011–2012 годов в формировании политики путинского третьего срока будет проанализирована в следующем разделе.

От политического к «геополитическому» кризису: третий срок Путина

Хотя массовые протесты 2011–2012 годов и не достигли поставленных целей, они привели к серьезным изменениям в функционировании режима, определив контуры путинского третьего срока. Период 2000–2011 годов прошел под знаком деполитизации, тщательно охраняемой самим режимом, — однако протесты изменили характер отношений между властью и обществом: первая больше не могла полагаться на апатию и равнодушие последнего (Petrov et al., 2014; см. также: Журавлев, 2014). В ответ власти инициировали собственную волну политизации, перейдя в идеологическое наступление в духе консерватизма и традиционализма¹⁴. Новый, «идеологический» способ функционирования режима проявился в реорганизации государства на всех уровнях. Так, в рамках администрации президента, фактического центра государственной системы, было создано новое Управление общественных проектов (УОП), задачей которого стала «патриотическая» индоктринация населения. Новое управление координировало идеологическую работу правительства, НКО, школ, вузов, культурных институций, а также других управлений АП (Сурначева, 2013). В августе 2016 года замглавы УОП, историк отношений церкви и государства Ольга Васильева была назначена министром образования.

Помимо идеологии режим все больше полагался на репрессии: Владимир Гельман назвал это «политикой страха» (Гельман, 2015б). Репрессивный поворот также проявился в реорганизации государства: повысилось значение силовых ведомств вроде Следственного комитета.

Действия России в Украине в 2014 году были ответом на конкретные события в соседней стране, однако сам этот ответ был в значительной степени определен политикой третьего срока. С одной стороны, демонтаж «тандемokratии», существовавшей в 2008–2012 годах, привел к ослаблению Медведева и его команды и усилению различных фракций силовиков (Treisman, 2013). Последние имели решающее влияние на российскую стратегию как в Крыму, так и на востоке Украины. С другой стороны, идеологический поворот приблизил к власти таких людей, как Константин Малофеев. Этот бизнесмен и, по собственному признанию, право-

13. Схожим образом Илья Будрайтскис утверждает, что парламентские выборы дали старт непарламентской политике (Budraitskis, 2014).

14. Подробнее об этом см.: Lipman, 2013; Robinson, 2014.

славный патриот оказался связан с ключевыми участниками украинских событий с российской стороны (Weaver, 2014).

Будучи продолжением тенденций, характерных для путинского третьего срока, российская политика в Украине еще усилила эти тенденции. В Послании к Федеральному собранию в 2014 году Путин использовал крайне идеологизированную национал-популистскую риторику, чтобы описать «историческое воссоединение Крыма и Севастополя с Россией» (Путин, 2014). Контролируемые государством СМИ усилили эффект этой риторики. Путинский рейтинг, а также доля тех, кто считает, что страна движется в правильном направлении, после периода стагнации в 2012–2013 годах резко пошли вверх (Левада-Центр, 2017б). Политическая оппозиция была маргинализована в качестве «национал-предателей» и «пятой колонны». Таким образом, режим обрел новую стабильность, но это была своего рода стабильность кризиса. Как отметил Глеб Павловский в серии статей, новая система нуждалась в постоянном производстве медиатизированных конфликтов (Павловский, 2014а, 2014б). Эмоции, ранее вытесненные из публичной сферы, были возвращены в нее. Вместо того чтобы замалчивать кризис или, подобно медведевской администрации, переопределять его как момент для реформ, посткрымский идеологический аппарат сосредотачивает внимание на кризисе, но в то же время стремится вытеснить его за пределы страны: это всегда кризис Украины, Евросоюза, международного порядка, но никогда — самой России. Однако такое символическое вытеснение никак не способствует разрешению вполне реальных противоречий, которые накапливаются в российском государстве и обществе.

Постоянство кризиса

Политические изменения в период путинского третьего срока происходили на фоне экономической стагнации и спада. После двухлетнего восстановительного роста его темпы снизились во втором квартале 2012 года. В 2013 году ВВП вырос всего на 1,3%, несмотря на высокие цены на нефть. Модель капитализма, основанная на экспорте сырья, низких инвестициях и активном оттоке капитала, исчерпала себя. Как указывают аналитики Standard & Poor's, «быстрый рост в 1998–2008 годах был результатом возобновления использования производственных мощностей, созданных еще до распада СССР. Коэффициент использования производственных мощностей, который резко снизился в переходный период, увеличился с 55% в 1998 году до 80% в 2008 году. Темпы его роста снизились в период кризиса, но затем коэффициент использования производственных мощностей стабилизировался на уровне примерно 79%» (Standard & Poor's, 2013). Таким образом, «в российской экономике существует проблема нехватки производственных мощностей, которая обусловлена длительным периодом недоинвестирования в новые мощности» (Standard & Poor's, 2013; см. также: IMF, 2013).

Замедление роста в 2012–2014 годах сочеталось с хрупкостью финансовой системы. По мнению Анастасии Несветайловой, признаки банковского кризиса на-

блюдались уже в начале 2014 года (Nesvetailova, 2015: 11). Антироссийские санкции и блокирование доступа российских банков к международным рынкам капитала, а также падение цен на нефть в последнем квартале 2014 года привели к коллапсу рубля и превратили стагнацию в полноценный кризис. Рецессия продолжалась семь кварталов подряд; минимальный рост в 0,3% был зафиксирован лишь в конце 2016 года. При этом сами власти признают, что кризис в лучшем случае сменяется стагнацией, которая продлится многие годы, если не десятилетия (Кувшинова, 2016). Важно подчеркнуть, что нынешние экономические проблемы не сводятся к эффекту антироссийских санкций и падения цен на нефть: российская модель капитализма демонстрировала явные признаки исчерпанности задолго до начала конфронтации с Западом и падения нефтяных цен в 2014 году.

Экономический спад 2014–2016 годов обернулся ростом социального напряжения. По данным Центра социально-трудовых прав, ежемесячное число трудовых протестов, включая забастовки, удвоилось с 2014 года (Бизюков, 2016). Рабочие промышленных предприятий протестуют против невыплат зарплаты. Меры жесткой экономии в социальной сфере приводят к протестам бюджетников, таким как голодовка работников скорой помощи в Уфе и «итальянская забастовка» московских врачей в 2015 году. Пытаясь восстановить бюджетные поступления, власти вводят новые налоги и сборы. Это, в свою очередь, также приводит к протестам, таким как всероссийские акции дальнбойщиков в 2015–2017 годах. В целом есть признаки того, что посткрымский эффект «сплочения вокруг флага» [rallying around the flag] ослабевает. Рейтинг поддержки Путина остается высоким, однако доля тех, кто считает, что «события ведут нас в тупик», увеличилась с посткрымского минимума в 22% до 33% в марте 2017 года (Левада-Центр, 2017а).

Столкнувшись с длительным экономическим кризисом, власти остаются в рамках «конъюнктурного режима политической рациональности», не пытаясь проводить масштабные реформы, которые отражали бы «структурный режим политической рациональности» (Нау, 1999: 329). Существует два таких проекта реформ: один поддерживается Алексеем Кудриным, сторонником неолиберальных преобразований, другой — Сергеем Глазьевым, выступающим за ускоренную модернизацию при ведущей роли государства. Оба экономиста имеют влияние на власть: Кудрин был назначен зампредела президента Экономического совета, тогда как Глазьев занимает должность советника президента по экономике. Однако оба лишены возможности последовательно воплощать свои проекты в жизнь. Ситуация напоминает то, что Хэй обозначил как «катастрофическое равновесие», при котором «проблемы очевидны и заметны многим, однако кризисный нарратив не мобилизуется и решительное вмешательство не производится»; словами Грамши, «старое умирает, а новое не может родиться» (Нау, 1999: 327).

В политическом плане режим выглядит хорошо подготовленным к новой экономической реальности: пространство для оппозиции, а также для потенциально-го внутриэлитного раскола максимально сужено, тогда как националистическая мобилизация заменяет экономическое развитие в качестве источника легитим-

ности режима. Тем не менее отсутствие экономических перспектив способствует накоплению противоречий, которые могут иметь непредсказуемые последствия. Столкнувшись с сокращением бюджетных поступлений, правительство вынуждает регионы нести основную нагрузку по финансированию образования и медицины, что приводит к жесткой экономии в этих сферах. По словам аналитика из Высшей школы экономики, «федеральный бюджет все последние годы (с 2013–2014 гг.) последовательно самоустранялся от финансирования указанных сфер» (Акиндинова, 2016: 3). Кроме того, влиятельные эксперты и члены правительства продолжают готовить почву для «неизбежного» повышения пенсионного возраста. Эта мера в сочетании с непрерывным сокращением доступности государственного образования и медицины может спровоцировать волну недовольства.

Еще один, потенциально даже более важный источник протестов — наступление властей на неформальный сектор. Так, в октябре 2016 года министр труда и социального развития Максим Топилин сообщил об идее ввести специальный сбор для неработающих граждан в объеме 20 тыс. рублей в год. Сумма получена путем сложения подоходного налога и выплат в социальные фонды с МРОТ за год (РИА Новости, 2016б). Правительство оправдывает необходимость нового сбора тем, что миллионы россиян заняты неформально, при этом у них сохраняется право пользования государственным образованием и медициной, а значит, они должны участвовать в их финансировании¹⁵. Предложение Топилина — лишь одна из мер, направленных на дополнительное налогообложение российской «гаражной экономики», которая, по некоторым оценкам, охватывает до 30 млн человек, или 40% экономически активного населения (Pismennaya, Arkhipov, 2016). Реализация таких мер способна привести к взрыву недовольства — при этом бюджетный дефицит может сделать их неизбежными. В сочетании с жесткой экономией в социальной сфере и общей экономической слабостью это может вызвать новый виток политического кризиса, на этот раз совмещенного с социальными требованиями.

Первые признаки такого кризиса различимы в антикоррупционных выступлениях, прокатившихся по стране 26 марта 2017 года. В отличие от движения 2011–2012 годов, нынешние протесты направлены уже не просто на соблюдение демократической процедуры, а на изменение самой сути политико-экономического порядка, сложившегося в России в 2000-е годы и «скрепленного» коррупционными практиками. Протестующие в 2017 году вступают в прямую конфронтацию с бенефициарами этого порядка: коррумпированной бюрократической и олигархической элитой. Трудно предсказать будущее этого движения, однако уже сейчас ясно, что оно отражает сдвиг в общественных настроениях и тактике оппозиционных лидеров.

15. В соседней Беларуси похожая мера уже привела к массовым протестам.

Заключение

Комментируя итоги парламентских выборов в сентябре 2016 года, Путин заявил, что россияне выбрали «так называемую стабильность» (РИА Новости, 2016а). Эта странная оговорка была символичной: сам Путин не смог назвать стабильность иначе, как «так называемой». По-видимому, в 2016 году слово, определившее российские 2000-е годы, уже нельзя произнести вслух без невидимых кавычек. Это хороший показатель изменений с 2009 года.

В 1990-х годах российское государство и общество были пронизаны противоречиями. Однако в последующие годы действительно была достигнута определенная стабилизация. Окрепшее бонапартистское государство перераспределяло доходы от сырьевого экспорта, позволяя и олигархам, и собственным чиновникам накапливать состояния в офшорных юрисдикциях, — при этом жизненные стандарты населения устойчиво росли. Поддержка режима была основана на деполитизации. Политика стала виртуальной: «управляемая демократия» оказалась постановочной демократией, политическим театром под контролем администрации президента, не вызывавшим особого энтузиазма у публики.

Первый удар по этому политико-экономическому порядку нанес кризис 2009 года. Экономический спад в России оказался наихудшим среди стран «Большой двадцатки». Хотя государство вскоре добилось возобновления роста благодаря использованию накопленных резервов, общество не поверило, что кризис по-настоящему закончился. В какой-то степени это объясняется риторикой самих властей: Дмитрий Медведев, на тот момент — президент России, — подчеркивал, что экономические проблемы, проявившиеся в 2009 году, были симптомом кризиса всей российской политико-экономической системы, и связывал выход из этого кризиса со своим проектом «модернизации». Однако обещанные им изменения не последовали. Медведев и его команда помогли утвердиться идее, что Россия «в кризисе», но так и не предприняли решительных мер по выходу из этого кризиса.

Недовольство властями стало фоном для протестов 2011–2012 годов. При этом политический кризис был сверхдетерминирован экономическим, но не сводился к нему. Протесты были вызваны серией событий: внезапным выдвижением Путина на третий срок, фальсификациями на парламентских выборах в декабре 2011 года. Новое массовое движение вернуло политику в страну, охваченную деполитизацией. Однако после недолгого периода нерешительности власти ответили репрессиями и идеологическим наступлением. Переломный момент наступил в 2014 году с аннексией Крыма и вмешательством в ситуацию на востоке Украины. В России эти действия усилили тенденции, характерные для путинского третьего срока в целом, такие как укрепление позиций силовиков и идеологическая мобилизация.

В то же время третий срок Путина стал не только периодом политических изменений — он также оказался периодом экономической стагнации и спада. Нил Робинсон точно предсказал в 2011 году, что международный кризис 2008–2009 годов «в России может оказаться предвестником кризиса ее собственной экономиче-

ской модели» (Robinson, 2011: 452). Российский периферийный капитализм исчерпал потенциал роста. Западные санкции и падение цен на нефть в 2014 году были последней каплей, но реальные причины экономических проблем куда глубже.

Пытаясь стабилизировать ситуацию, режим действует тактически, но не стратегически — как во внутренней, так и во внешней политике (хотя с 2014 года эти сферы тесно взаимосвязаны). Вызов протестов 2011–2012 годов был успешно преодолен, однако отсутствие экономических перспектив способствует накоплению противоречий, которые могут иметь непредсказуемые последствия для властей.

Литература

- Акиндинова Н. В. (2016). «Нужны ли России образование и здравоохранение?» // Комментарии о государстве и бизнесе. № 121. С. 2–4.
- Альтюссер Л. (2006). За Маркса / Пер. с франц. А. В. Денежкина. М.: Праксис.
- Бизюков П. (2016). Трудовые протесты в России в 2008–2015 гг. Аналитический отчет по результатам мониторинга трудовых протестов ЦСТП. URL: <http://trudprava.ru/expert/analytics/protestanalyt/1588> (дата доступа: 10.06.2017).
- Вести.Ру. (2008). Кудрин в Давосе: интерес к России как к острову стабильности будет возрастать. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=158548> (дата доступа: 10.06.2017).
- Гельман В. Я. (2015а). Модернизация, институты и «порочный круг» постсоветского неопатримониализма. СПб.: Изд-во ЕУСПб.
- Гельман В. Я. (2015б). Политика страха: как российский режим противостоит своим противникам // Контрапункт. № 1. С. 1–11.
- Журавлев О. М. (2014). Инерция постсоветской деполитизации и политизация 2011–2012 годов // Ерпылева С. В., Магун А. В. (ред.). Политика аполитичных: гражданские движения в России 2011–2013 годов. М.: Новое литературное обозрение. С. 27–70.
- Завадская М. А., Савельева Н. В. (2014). «А можно я как-нибудь сам выберу?»: выборы как «личное дело», процедурная легитимность и мобилизация 2011–2012 // Ерпылева С. В., Магун А. В. (ред.). Политика аполитичных: гражданские движения в России 2011–2013 годов. М.: Новое литературное обозрение. С. 219–270.
- Кувшинова О. (2016). Десятилетие, которое уже потеряно // Ведомости. № 4167. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/09/23/658204-desyatiletie-poteryano> (дата доступа: 10.06.2017).
- Латухина К. (2016). Аванс нужно отработать // Российская газета. № 7079. URL: <https://rg.ru/2016/09/19/putin-rezultaty-vyborov-horoshie-no-eto-avans-so-storony-naroda.html> (дата доступа: 10.06.2017).
- Левада-Центр. (2017а). Одобрение органов власти. URL: <http://www.levada.ru/indikatory/odobrenie-organov-vlasti/> (дата доступа: 10.06.2017).
- Левада-Центр. (2017б). Положение дел в стране. URL: <http://www.levada.ru/indikatory/polozhenie-del-v-strane/> (дата доступа: 10.06.2017).

- Маркс К., Энгельс Ф. (1957). Сочинения. Т. 8. М.: Политиздат.
- Медведев Д. А. (2009). «Россия, Вперед!». URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/5413> (дата доступа: 10.06.2017).
- Павловский Г. О. (2014а). Власть, эмоции и протесты в России. URL: <http://gefter.ru/archive/12661> (дата доступа: 10.06.2017).
- Павловский Г. О. (2014б). Инерция большинства. URL: <http://gefter.ru/archive/12661> (дата доступа: 10.06.2017).
- Путин В. В. (2014). Послание президента Федеральному Собранию. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47173> (дата доступа: 10.06.2017).
- РИА Новости. (2016а). Путин: люди доверяют правительству, которое опирается на «Единую Россию». URL: <https://ria.ru/election2016/20160919/1477323286.html> (дата доступа: 10.06.2017).
- РИА Новости. (2016б). Топилин назвал возможную сумму сбора с неработающих граждан. URL: <https://ria.ru/society/20161021/1479710679.html> (дата доступа: 10.06.2017).
- Рогов К. (2001). «Путинское большинство», гримаса демократии, или Юбилейная деконструкция Павловского. URL: <http://polit.ru/article/2001/03/28/479316/> (дата доступа: 10.06.2017).
- Сурначева Е. (2013). Тянут идеалы на себя // Коммерсантъ-Власть. № 48.
- Фисун А. А. (2007). Постсоветские неопатримониальные режимы: генезис, особенности, типология // Отечественные Записки. Т. 39. № 6. С. 8–28.
- Standard & Poor's. (2013). Экономический рост в России сдерживается как внутренними, так и внешними факторами. URL: <http://rusipoteka.ru/files/analytics/sandp/2013/2509.pdf> (дата доступа: 10.06.2017).
- Budraitskis I. (2014). The Weakest Link of Managed Democracy: How the Parliament Gave Birth to Nonparliamentary Politics // South Atlantic Quarterly. Vol. 113. № 1. P. 169–185.
- Burawoy M. (2001). Transition without Transformation: Russia's Involuntary Road to Capitalism // East European Politics & Societies. Vol. 15. № 2. P. 269–290.
- Chaisty P., Whitefield S. (2013). Forward to Democracy or Back to Authoritarianism? The Attitudinal Bases of Mass Support for the Russian Election Protests of 2011–2012 // Post-Soviet Affairs. Vol. 29. № 5. P. 387–403.
- Clarke S. (2004). A Very Soviet Form of Capitalism? The Management of Holding Companies in Russia // Post-Communist Economies. Vol. 16. № 4. P. 405–422.
- Clarke S. (2007). The Development of Capitalism in Russia. London: Taylor & Francis.
- Clément K. (2015). Unlikely Mobilisations: How Ordinary Russian People Become Involved in Collective Action // European Journal of Cultural and Political Sociology. Vol. 2. № 3–4. P. 211–240.
- Cullehberg S. (1999). Overdetermination, Totality, and Institutions: A Genealogy of a Marxist Institutional Economics // Journal of Economic Issues. Vol. 33. № 4. P. 801–815.

- Derluigian G. M.* (2005). *Bourdieu's Secret Admirer in the Caucasus: A World-System Biography*. Chicago: University of Chicago Press.
- Dzarusov R.* (2013). *The Conundrum of Russian Capitalism: The Post-Soviet Economy in the World System*. London: Pluto Press.
- Feklyunina V., White S.* (2011). Discourses of «Krizis»: Economic Crisis in Russia and Regime Legitimacy // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. Vol. 27. № 3–4. P. 385–406.
- Fortescue S.* (2006). *Russia's Oil Barons and Metal Magnates: Oligarchs and the State in Transition*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Ganev V. I.* (2005). Post-Communism as an Episode of State Building: A Reversed Tillyan Perspective // *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 38. № 4. P. 425–445.
- Ganev V. I.* (2009). Postcommunist Political Capitalism: A Weberian Interpretation // *Comparative Studies in Society and History*. Vol. 51. № 3. P. 648–674.
- Gans-Morse J.* (2012). Threats to Property Rights in Russia: From Private Coercion to State Aggression // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 28. № 3. P. 263–295.
- Habermas J.* (1975). *Legitimation Crisis* / Transl. by Th. McCarthy. Boston: Beacon Press.
- Hashim S. M.* (2005). Putin's Etatism Project and Limits to Democratic Reforms in Russia // *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 38. № 1. P. 25–48.
- Hay C.* (1999). Crisis and the Structural Transformation of the State: Interrogating the Process of Change // *British Journal of Politics and International Relations*. Vol. 1. № 3. P. 317–44.
- IMF. (2013). Russian Federation: 2013 Article IV Consultation. Country Report No. 13/310. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/scr/2013/cr13310.pdf> (дата доступа: 10.06.2017).
- Kar D., Curcio K.* (2011). *Illicit Financial Flows from Developing Countries: 2000–2009*. Washington: Global Financial Integrity.
- King L.* (2002). Postcommunist Divergence: A Comparative Analysis of the Transition to Capitalism in Poland and Russia // *Studies in Comparative International Development*. Vol. 37. № 3. P. 3–34.
- Kroll L.* (2008). Billionaires 2008 // *Forbes*. March 6. URL: <http://www.forbes.com/forbes/2008/0324/080.html> (дата доступа: 10.06.2017).
- Ledeneva A. V.* (2013). *Can Russia Modernise? Sistema, Power Networks and Informal Governance*. New York: Cambridge University Press.
- Lipman M.* (2013). The Kremlin Turns Ideological: Where This New Direction Could Lead // *Lipman M., Petrov N.* (eds.). *Russia 2025: Scenarios for the Russian Future*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. P. 220–239.
- Luong P. J., Weinthal E.* (2004). Contra Coercion: Russian Tax Reform, Exogenous Shocks, and Negotiated Institutional Change // *American Political Science Review*. Vol. 98. № 1. P. 139–152.
- Markwick R. D.* (1999). What Kind of State Is the Russian State if There Is One? // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. Vol. 15. № 4. P. 111–130.

- Nesvetailova A.* (2005). Globalization and Post-Soviet Capitalism: Internalizing Neoliberalism in Russia // *Soederberg S., Menz G., Cerny P.* (eds.). *Internalizing Globalization: The Rise of Neoliberalism and the Decline of National Varieties of Capitalism*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. P. 238–254.
- Nesvetailova A.* (2015). The Offshore Nexus, Sanctions and the Russian Crisis. IAI Working Papers 15.
- Offe Cl.* (1976). «Crisis of Crisis Management»: Elements of a Political Crisis Theory // *International Journal of Politics*. Vol. 6. № 3. P. 29–67.
- Offe Cl.* (1991). Capitalism by Democratic Design? Democratic Theory Facing the Triple Transition in East Central Europe // *Social Research*. Vol. 58. № 4. P. 865–892.
- Petrov N., Lipman M., Hale H. E.* (2014). Three Dilemmas of Hybrid Regime Governance: Russia from Putin to Putin // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 30. № 1. P. 1–26.
- Pirani S.* (2010). *Change in Putin's Russia: Power, Money and People*. London: Pluto Press.
- Pismennaya E., Arkhipov I.* (2016). Putin Peers Into Shadows Where 30 Million Toil on Fringes // *Bloomberg*. July 13. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2016-07-13/putin-peers-into-shadows-where-30-million-toil-in-fringe-economy> (дата доступа: 10.06.2017).
- Poulantzas N.* (1978). *State, Power, Socialism*. London: New Left Books.
- Prozorov S.* (2009). *The Ethics of Postcommunism: History and Social Praxis in Russia*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Rigi J.* (2005). State and Big Capital in Russia // *Social Analysis*. Vol. 49. № 1. P. 198–205.
- Robinson N.* (2011). Russian Patrimonial Capitalism and the International Financial Crisis // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. Vol. 27. № 3–4. P. 434–455.
- Robinson N.* (2013). Russia's Response to Crisis: The Paradox of Success // *Europe-Asia Studies*. Vol. 65. № 3. P. 450–472.
- Robinson N.* (2014). *The Political Origins of Russia's Culture Wars*. Oxford: Oxford University Press.
- Solnick S. L.* (1996). The Breakdown of Hierarchies in the Soviet Union and China: A Neoinstitutional Perspective // *World Politics*. Vol. 48. № 2. P. 209–238.
- Solnick S. L.* (1998). *Stealing the State: Control and Collapse in Soviet Institutions*. New York: Cambridge University Press.
- Tabata Sh.* (2009). The Impact of Global Financial Crisis on the Mechanism of Economic Growth in Russia // *Eurasian Geography and Economics*. Vol. 50. № 6. P. 682–698.
- Taylor B. D.* (2011). *State Building in Putin's Russia: Policing and Coercion after Communism*. New York: Cambridge University Press.
- Taylor B. D.* (2014). Police Reform in Russia: The Policy Process in a Hybrid Regime // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 30. № 2–3. P. 226–255.
- Thompson W.* (2005). Putin and the «Oligarchs»: A Two-Sided Commitment Problem // *Pravda A.* (ed.). *Leading Russia: Putin in Perspective: Essays in Honour of Archie Brown*. Oxford: Oxford University Press. P. 179–202.

- Treisman D.* (2013). Can Putin Keep His Grip on Power? // *Current History*. Vol. 112. P. 251–258.
- Treisman D.* (2014). Putin's Popularity since 2010: Why Did Support for the Kremlin Plunge, Then Stabilize? // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 30. № 5. P. 370–388.
- Volkov V.* (2008). Standard Oil and Yukos in the Context of Early Capitalism in the United States and Russia // *Demokratizatsiya*. Vol. 16. № 3. P. 240–264.
- Weaver C.* (2014). Malofeev: The Russian Billionaire Linking Moscow to the Rebels // *Financial Times*. July 24. URL: <https://www.ft.com/content/84481538-1103-11e4-94f3-00144feabdco> (дата доступа: 10.06.2017).
- Yakovlev A.* (2006). The Evolution of Business: State Interaction in Russia: From State Capture to Business Capture? // *Europe-Asia Studies*. Vol. 58. № 7. P. 1033–1056.
- Yakovlev A.* (2014). Russian Modernization: Between the Need for New Players and the Fear of Losing Control of Rent Sources // *Journal of Eurasian Studies*. Vol. 5. № 1. P. 10–20.

“Stability’s” End: The Political Economy of Russia’s Intersecting Crises since 2009

Ilya Matveev

Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Comparative Political Studies NWIM RANEPa, doctoral student, EUSPb
57/43 Sredniy pr. V.O., 199178 St Petersburg, Russia
Email: matveev.ilya@yahoo.com

The article explores the mutual determination of crises that replaced the “stability” of the 2000s in Russia. The period since 2009 witnessed a rapid accumulation and condensation of contradictions in different spheres, from the economic crisis of 2009 to the political crisis of 2011–2012, to the “geopolitical” crisis of 2014, and finally, to the new cycle of the economic crisis that started in 2014. The author establishes the connection between these crises and the political-economic order that emerged in Russia in the 2000s. This order is characterized by the reproduction of peripheral capitalism under the aegis of the regime that combines neo-patrimonial practices with the dominance of bureaucratic elites characteristic of Bonapartism. The 2009 economic crisis revealed the vulnerability of this political-economic order. In turn, the mass protests of 2011–2012 changed the terms of the relationship between society and the state, and triggered the transformation of the regime that increasingly relied on ideology and repression. The ideological mobilization characteristic of Putin’s third term was reinforced by Russia’s actions in Ukraine in 2014. This “patriotic” mobilization has taken place against the background of economic stagnation and decline that have testified to the exhaustion of Russia’s model of peripheral capitalism. The article ends with an analysis of the contradictions and potential points of tension in Russian society generated by continuing economic problems.

Keywords: involution, peripheralization, neopatrimonialism, Bonapartism, crisis, state

References

- Akandinova N. (2016) Nuzhny li Rossii obrazovanie i zdavoohranenie? [Does Russia Need Education and Healthcare?]. *Kommentarii o gosudarstve i biznese*, no 121, pp. 2–4.
- Althusser L. (2006) *Za Marksą* [For Marx], Moscow: Praxis.
- Bizukov P. (2016) Trudovye protesty v Rossii v 2008–2015 gg.: analiticheskij otchet po rezul'tatam monitoringa trudovyh protestov CSTP [Labour Protests in Russia in 2008–2015: Analytic Report Based on the Results of the Monitoring Conducted by CSLR]. Available at: <http://trudprava.ru/expert/analytics/protestanalyt/1588> (accessed 10 June 2017).
- Budraitskis I. (2014) The Weakest Link of Managed Democracy: How the Parliament Gave Birth to Nonparliamentary Politics. *South Atlantic Quarterly*, vol. 113, no 1, pp. 169–185.
- Burawoy M. (2001) Transition without Transformation: Russia's Involuntary Road to Capitalism. *East European Politics & Societies*, vol. 15, no 2, pp. 269–290.
- Chaisty P., Whitefield S. (2013) Forward to Democracy or Back to Authoritarianism? The Attitudinal Bases of Mass Support for the Russian Election Protests of 2011–2012. *Post-Soviet Affairs*, vol. 29, no 5, pp. 387–403.
- Clarke S. (2004) A Very Soviet Form of Capitalism? The Management of Holding Companies in Russia. *Post-Communist Economies*, vol. 16, no 4, pp. 405–422.
- Clarke S. (2007) *The Development of Capitalism in Russia*, London: Taylor & Francis.
- Clément K. (2015) Unlikely Mobilisations: How Ordinary Russian People Become Involved in Collective Action. *European Journal of Cultural and Political Sociology*, vol. 2, no 3–4, pp. 211–240.
- Culleberg S. (1999) Overdetermination, Totality, and Institutions: A Genealogy of a Marxist Institutional Economics. *Journal of Economic Issues*, vol. 33, no 4, pp. 801–815.
- Derluigan G. M. (2005) *Bourdieu's Secret Admirer in the Caucasus: A World-System Biography*, Chicago: University of Chicago Press.
- Dzarusov R. (2013) *The Conundrum of Russian Capitalism: The Post-Soviet Economy in the World System*, London: Pluto Press.
- Feklyunina V., White S. (2011) Discourses of “Krizis”: Economic Crisis in Russia and Regime Legitimacy. *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, vol. 27, no 3–4, pp. 385–406.
- Fisun A. (2007) Postsovetskie neopatrimonial'nye rezhimy: genezis, osobennosti, tipologija [Post-Soviet Neopatrimonial Regimes: Genesis, Features, Typology]. *Otechestvennye zapiski*, vol. 39, no 6, pp. 8–28.
- Fortescue S. (2006) *Russia's Oil Barons and Metal Magnates: Oligarchs and the State in Transition*, Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Ganev V. I. (2005) Post-Communism as an Episode of State Building: A Reversed Tillyan Perspective. *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 38, no 4, pp. 425–445.
- Ganev V. I. (2009) Postcommunist Political Capitalism: A Weberian Interpretation. *Comparative Studies in Society and History*, vol. 51, no 3, pp. 648–74.
- Gans-Morse J. (2012) Threats to Property Rights in Russia: From Private Coercion to State Aggression. *Post-Soviet Affairs*, vol. 28, no 3, pp. 263–295.
- Gelman V. (2015) *Modernizacija, instituty i “porochnyj krug” postsovetskogo neopatrimonializma* [Modernization, Institutions and the “Vicious Circle” of Post-Soviet Neopatrimonialism], Saint Petersburg: EUSPb Press.
- Gelman V. (2015) Politika straha: kak rossijskij rezhim protivostoit svoim protivnikam [Politics of Fear: How Russian Regime Resists Its Enemies]. *Kontrapunkt*, no 1, pp. 1–11.
- Habermas J. (1975) *Legitimation Crisis*, Boston: Beacon Press.
- Hashim S. M. (2005) Putin's Etatization Project and Limits to Democratic Reforms in Russia. *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 38, no 1, pp. 25–48.
- Hay C. (1999) Crisis and the Structural Transformation of the State: Interrogating the Process of Change. *British Journal of Politics and International Relations*, vol. 1, no 3, pp. 317–344.
- IMF (2013) Russian Federation: 2013 Article IV Consultation. Country Report No 13/310. Available at: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/scr/2013/cr13310.pdf> (accessed 10 June 2017).
- Kar D., Curcio K. (2011) *Illicit Financial Flows from Developing Countries: 2000–2009*, Washington: Global Financial Integrity.

- King L. (2002) Postcommunist Divergence: A Comparative Analysis of the Transition to Capitalism in Poland and Russia. *Studies in Comparative International Development*, vol. 37, no 3, pp. 3–34.
- Kroll L. (2008) Billionaires 2008. *Forbes*, March 6. Available at: <http://www.forbes.com/forbes/2008/0324/080.html> (accessed 10 June 2017).
- Kuvshinova O. (2016) Desyatiletie, kotoroye uzhe poteryano. *Vedomosti*. Available at: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/09/23/658204-desyatiletie-poteryano> (accessed 10 June 2017).
- Latukhina K. (2016) Avans nuzhno otrabotat [Advance Should Be Worked Off]. Available at: <https://rg.ru/2016/09/19/putin-rezultaty-vyborov-horoshie-no-eto-avans-so-storony-naroda.html> (accessed 10 June 2017).
- Ledeneva A. V. (2013) *Can Russia Modernise? Sistema, Power Networks and Informal Governance*, New York: Cambridge University Press.
- Levada Center (2017) Odobrenie organov vlasti [Approval of State Institutions]. Available at: <http://www.levada.ru/indikatory/odobrenie-organov-vlasti/> (accessed 10 June 2017).
- Levada Center (2017) Polozhenie del v strane [State of the Country]. Accessed October 16. Available at: <http://www.levada.ru/indikatory/polozhenie-del-v-strane/> (accessed 10 June 2017).
- Lipman M. (2013) The Kremlin Turns Ideological: Where This New Direction Could Lead. *Russia 2025: Scenarios for the Russian Future* (eds. M. Lipman, N. Petrov), Basingstoke: Palgrave Macmillan, pp. 220–239.
- Luong P. J., Weinthal E. (2004) Contra Coercion: Russian Tax Reform, Exogenous Shocks, and Negotiated Institutional Change. *American Political Science Review*, vol. 98, no 1, pp. 139–152.
- Markwick R. D. (1999) What Kind of State Is the Russian State If There Is One? *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, vol. 15, no 4, pp. 111–130.
- Marx K., Engels F. (1957) *Sochinenija. Tom 8* [Collected Works, Vol. 8], Moscow: Politizdat.
- Medvedev D. (2009) Rossija, Vpered! [Go Russia!]. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/5413> (accessed 10 June 2017).
- Nesvetailova A. (2005) Globalization and Post-Soviet Capitalism: Internalizing Neoliberalism in Russia. *Internalizing Globalization: The Rise of Neoliberalism and the Decline of National Varieties of Capitalism* (eds. S. Soederberg, G. Menz, P. Cerny), Basingstoke: Palgrave Macmillan, pp. 238–254.
- Nesvetailova A. (2015). The Offshore Nexus, Sanctions and the Russian Crisis. IAI Working Papers 15.
- Offe Cl. (1976) "Crisis of Crisis Management": Elements of a Political Crisis Theory. *International Journal of Politics*, vol. 6, no 3, pp. 29–67.
- Offe Cl. (1991) Capitalism by Democratic Design? Democratic Theory Facing the Triple Transition in East Central Europe. *Social Research*, vol. 58, no 4, pp. 865–892.
- Pavlovsky G. (2014) Vlast', jemocii i protesty v Rossii. [Power, Emotions and Protests in Russia]. Available at: <http://gefter.ru/archive/12661> (accessed 10 June 2017).
- Pavlovsky G. (2014) Inercija bol'shinstva [Inertia of the Majority]. Available at: <http://gefter.ru/archive/12661> (accessed 10 June 2017).
- Petrov N., Lipman M., Hale H. E. (2014) Three Dilemmas of Hybrid Regime Governance: Russia from Putin to Putin. *Post-Soviet Affairs*, vol. 30, no 1, pp. 1–26.
- Pirani S. (2010) *Change in Putin's Russia: Power, Money and People*, London: Pluto Press.
- Pismennaya E., Arkhipov I. (2016) Putin Peers Into Shadows Where 30 Million Toil on Fringes. Available at: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2016-07-13/putin-peers-into-shadows-where-30-million-toil-in-fringe-economy> (accessed 10 June 2017).
- Poulantzas N. (1978) *State, Power, Socialism*, London: New Left Books.
- Prozorov S. (2009) *The Ethics of Postcommunism: History and Social Praxis in Russia*, Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Putin V. (2014) Poslanie prezidenta Federal'nomu Sobraniju [President's Address to the Federal Assembly]. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/47173> (accessed 10 June 2017).
- RIA Novosti (2016) Putin: ljudi doverjajut pravitel'stvu, kotoroe opiraetsja na "Edinuju Rossiju" [Putin: People Trust the Government That Relies on the United Russia Party]. Available at: <https://ria.ru/election2016/20160919/1477323286.html> (accessed 10 June 2017).

- RIA Novosti (2016) Topilin nazval vozmozhnuju summu sbora s nerabotajushhih grazhdan [Topilin Named the Possible Sum of the Tax on the Unemployed]. Available at: <https://ria.ru/society/20161021/1479710679.html> (accessed 10 June 2017).
- Rigi J. (2005) State and Big Capital in Russia. *Social Analysis*, vol. 49, no 1, pp. 198–205.
- Robinson Neil. (2011) Russian Patrimonial Capitalism and the International Financial Crisis. *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, vol. 27, no 3–4, pp. 434–455.
- Robinson N. (2013) Russia's Response to Crisis: The Paradox of Success. *Europe-Asia Studies*, vol. 65, no 3, pp. 450–472.
- Robinson N. (2014) *The Political Origins of Russia's Culture Wars*, Oxford: Oxford University Press.
- Rogov K. (2001) "Putinskoe bol'shinstvo", grimasa demokratii, ili Jubilejnaja dekonstrukcija Pavlovskogo ["Putin's Majority", the Grimace of Democracy, or the Anniversary Deconstruction of Pavlovsky]. Available at: <http://polit.ru/article/2001/03/28/479316/> (accessed 10 June 2017).
- Solnick S. L. (1996) The Breakdown of Hierarchies in the Soviet Union and China: A Neoinstitutional Perspective. *World Politics*, vol. 48, no 2, pp. 209–238.
- Solnick S. L. (1998) *Stealing the State: Control and Collapse in Soviet Institutions*, New York: Cambridge University Press.
- Standard & Poor's (2013) Jekonomicheskij rost v Rossii sderzhivaetsja kak vnutrennimi, tak i vneshnimi faktorami [Both Internal and External Factors Inhibit Economic Growth in Russia] (2013). Available at: <http://rusipoteka.ru/files/analytics/sandp/2013/2509.pdf> (accessed 10 June 2017).
- Surnacheva E. (2013) Tjanut idealy na sebja [Pulling the Ideals On]. *Kommersant-vlast*, no 48.
- Tabata Sh. (2009) The Impact of Global Financial Crisis on the Mechanism of Economic Growth in Russia. *Eurasian Geography and Economics*, vol. 50, no 6, pp. 682–698.
- Taylor B. D. (2011) *State Building in Putin's Russia: Policing and Coercion after Communism*, New York: Cambridge University Press.
- Taylor B. D. (2014) Police Reform in Russia: The Policy Process in a Hybrid Regime. *Post-Soviet Affairs*, vol. 30, no 2–3, pp. 226–255.
- Thompson W. (2005) Putin and the "Oligarchs": A Two-Sided Commitment Problem. *Leading Russia: Putin in Perspective: Essays in Honour of Archie Brown* (ed. A. Pravda), Oxford: Oxford University Press, pp. 179–202.
- Treisman D. (2013) Can Putin Keep His Grip on Power? *Current History*, vol. 112, pp. 251–258.
- Treisman D. (2014) Putin's Popularity since 2010: Why Did Support for the Kremlin Plunge, Then Stabilize? *Post-Soviet Affairs*, vol. 30, no 5, pp. 370–388.
- Vesti.Ru (2008) Kudrin v Davose: interes k Rossii kak k ostrovu stabil'nosti budet vozrastat [Kudrin in Davos: Interest in Russia as an Island of Stability Will Only Grow]. Available at: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=158548> (accessed 10 June 2017).
- Volkov V. (2008) Standard Oil and Yukos in the Context of Early Capitalism in the United States and Russia. *Demokratizatsiya*, vol. 16, no 3, pp. 240–264.
- Weaver C. (2014) Malofeev: The Russian Billionaire Linking Moscow to the Rebels. Available at: <https://www.ft.com/content/84481538-1103-11e4-94f3-00144feabdco> (accessed 10 June 2017).
- Yakovlev A. (2006) The Evolution of Business: State Interaction in Russia: From State Capture to Business Capture? *Europe-Asia Studies*, vol. 58, no 7, pp. 1033–1056.
- Yakovlev A. (2014) Russian Modernization: Between the Need for New Players and the Fear of Losing Control of Rent Sources. *Journal of Eurasian Studies*, vol. 5, no 1, pp. 10–20.
- Zavadszkaya M., Savelieva N. (2014) "A možhno ja kak-nibud' sam vyberu?": vybory kak "lichnoe delo", procedurnaja legitimnost' i mobilizacija 2011–2012 ["May I Decide for Myself?": Elections as a "Private Matter", Procedural Legitimacy and the Mobilization of 2011–2012]. *Politika apolitichnyh: grazhdanskije dvizhenija v Rossii 2011–2013 godov* [Politics of the Apolitical: Civic Movements in Russia in 2011–2013] (eds. S. Erpyleva, A. Magun), Moscow: New Literary Observer, pp. 219–270.
- Zhuravlev O. (2014) Inercija postsovetsoj depolitizacii i politizacija 2011–2012 godov [Inertia of Post-Soviet Depolitization and the Politicization of 2011–2012]. *Politika apolitichnyh: grazhdanskije dvizhenija v Rossii 2011–2013 godov* [Politics of the Apolitical: Civic Movements in Russia in 2011–2013] (eds. S. Erpyleva, A. Magun), Moscow: New Literary Observer, pp. 27–70.